

Константин Александрович Шестаков –

кандидат социологических наук, доцент кафедры экономики товарных рынков Тюменского государственного нефтегазового университета, председатель Тюменского регионального отделения Общероссийского общественного движения «Народный собор», председатель Тюменского регионального отделения Общероссийской общественной организации «За жизнь и защиту семейных ценностей», заместитель председателя Тюменского родительского комитета

Когда станут рожать не меньше трех

Фамилистическая теория рождаемости (от англ. family – семья) противостоит в науке, прежде всего, концепции модернизации, или «демографического равновесия» Анатолия Вишневого, с точки зрения которого депопуляция – не проблема, а норма жизни и даже благо цивилизованного общества. Фамилисты же утверждают, что современная демографическая катастрофа развитых стран вызвана ценностно-институциональным кризисом семьи и является глобальной проблемой, возникшей под воздействием сущностных, атрибутивных признаков индустриально-рыночной цивилизации. Рассматриваемые во взаимосвязи демографический кризис и кризис семьи могут привести к самым неблагоприятным последствиям – к депопуляции и разрушению государства, во всяком случае, к утрате социокультурной

идентичности страны. Депопуляция, в отличие от концепции модернизации, воспринимается здесь как явление однозначно негативное и даже катастрофическое, требующее немедленных и решительных действий для его предотвращения, планомерного и целенаправленного регулирования воспроизводства населения. По мнению ведущего российского фамилиста Анатолия Антонова: «Истинная цель демографии – предотвращение катастрофы убыли населения».

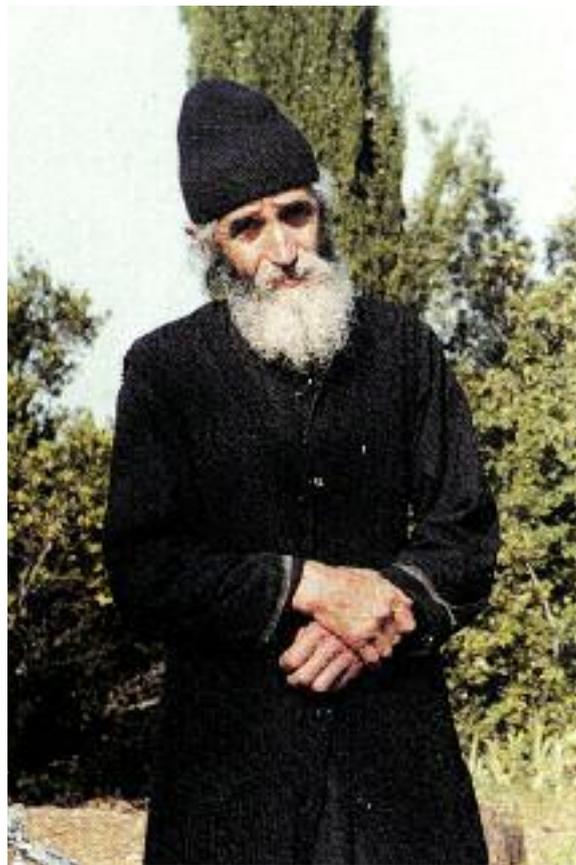
Для достижения этой цели необходимо прежде всего выявить корневые мотивы рождаемости и использовать полученные знания в области демографической политики. Фамилистическая теория рождаемости утверждает безусловный приоритет потребности в детях и опирается на нее при регулировании репродуктивного поведения в целях повышения рождаемости. Эта потребность в

упрощенном виде может быть описана как сочетание усвоенных индивидом репродуктивных норм (того, что принято в обществе) и внутренней потребности в родительстве. Каким же образом можно добиться формирования устойчивой потребности иметь 3-4 детей? Ведь именно такая задача ставится сторонниками фамилизма.

Эффективное воздействие на психологические мотивы потребности в детях (на потребность быть родителем) возможно только на индивидуальном уровне и не рассматривается как элемент социально-демографической политики. Кроме того, потребность в родительстве имеет свой естественный диапазон — до 2 детей. По мнению российского демографа Владимира Борисова, «это тот оптимум, который позволяет родителям сочетать удовлетворение потребности в родительстве с удовлетворением других потребностей». То есть, имея двух детей (желательно мальчика и девочку), можно с полной уверенностью считать себя состоявшимся родителем и в то же время, по большому счету, ни в чем себе не отказывать. В этом диапазоне потребность в родительстве и существует на данный момент, потенциал ее увеличения невелик.

Таким образом, в целях увеличения рождаемости остается идеологическое воздействие с помощью убеждения на «социальный конформизм». Поэтому фамилисты и предлагают меры по повышению в обществе роли, статуса семьи, семейности и семейного образа жизни как основной тренд демографической политики. Безусловно, это необходимо и полезно. Но достаточно ли этого для преодоления катастрофы депопуляции в России (даже в сочетании с грамотной социально-экономической политикой)?

Для ответа на этот вопрос рассмотрим причины и механизмы многодетности и среднететности в истории, в отдельных социальных группах и в других странах и культурах. Иначе говоря, почему рожали и рожают 3-4 или 5-7, а то и 10-15 детей? С точки зрения фамилизма, главная причина — потребность в детях, обусловленная в прошлом преимущественно экономической мотивацией, а сегодня — неким иррациональным желанием иметь много детей: если в семье рождают 10-го или 15-го ребенка, даже в бедности, значит, существует глубинная заинтересованность в этом ребенке. И если при этом родители прямо указывают (например, при анкетировании) на отсутствие указанной заинтересованности, то «запус-

Молитвенный способ контрацепции, который описан в творениях Паисия Святогорца (на фото) и практикуется воцерковленными православными христианами, представляет немалый интерес. Супруги начинают возносить молитвы к Богу, прося не посылать очередного ребенка, на которого уже нет ни здоровья, ни сил, ни желания его иметь, сокрушаясь при этом, что они не в силах понести крест воздержания в браке.

кается» так называемый парадокс Ла-Пьера: «Люди не всегда поступают так, как говорят». Конечно, нельзя отрицать того, что у некоторых многодетных при анкетировании проявляется данный парадокс. Но обосновательно относить этот психологический феномен ко всем многодетным семьям только потому, что рождение детей без потребности в очередном ребенке не вписывается в фамилистическую концепцию рождаемости, согласно которой рождение детей без потребности в них невозможно.

Опуская многочисленные примеры многодетных семей, рождающих очередного ребенка вопреки жизненным обстоятельствам и при явном и декларируемом отсутствии по-

требности в детях, обратимся к одному специфическому методу контрацепции, не рассматривавшемуся доселе медициной и социологией. Речь идет о так называемом молитвенном способе контрацепции, который описан в творениях Паисия Святогорца. Данный метод, используемый исключительно в среде воцерковленных православных христиан, представляет немалый интерес. Суть его заключается в следующем. Многодетная супружеская пара по материальным или медицинским основаниям фактически не может и уже не хочет иметь еще больше детей. Но при этом она не желает идти против Бога — вмешиваться в сакральный репродуктивный цикл, попирая волю Творца

использованием современных методов контрацепции. Вместе с тем подвиг воздержания в браке оказывается не под силу. Казалось бы, безвыходная ситуация. И супруги начинают возносить молитвы к Богу, прося не посылать очередного ребенка, на которого уже нет ни здоровья, ни сил, ни желания его иметь, сокрушаясь при этом, что они не в силах понести крест воздержания в браке. Но если беременность все-таки случается, об аборте, естественно, не может быть никакой речи, и при благоприятном ее течении рождается очередной ребенок. В данном случае утверждение, что молящиеся об отсутствии зачатия супруги имеют некую алогичную, скрываемую от самих себя потребность в детях, выглядит безосновательным. Ведь зачатый ребенок уже по факту своего существования становится любимым и желанным — это конкретный живой ребенок, а не какой-то абстрактный, следующий в очереди уже имеющихся детей. У православной семьи есть потребность жить в мире с Богом и со своей совестью, потребность творить волю Божию, но не потребность в очередном — например, 10-м — ребенке.

Итак, если мы допустим, что в семье могут рожать детей и без потребности в очередном ребенке, то в систему мотиваций репродуктивного поведения нам придется ввести еще одну составляющую — некие аксиологические рамки, или нравственные ограничители репродуктивного поведения. Для большей ясности обратимся к истории. Понимание механизмов аксиологического воздействия на рождаемость осложняют стереотипы теории демографического перехода в отношении эволюции демографических процессов. Теория демографического перехода, до сих пор восприни-

маемая многими как аксиома, практически полностью игнорирует воздействие аксиологического фактора на репродуктивное поведение, сводя все к социально-экономической полезности детей в духе утилитарного прагматизма. По убеждению многих современных демографов, главной причиной уменьшения рождаемости стало постепенное изменение, а затем и отрицание экономической составляющей потребности в детях, или экономической мотивации деторождения. По мнению Владимира Борисова, «дети имели значение для родителей как работники, помощники в хозяйстве, его наследники, воины-защитники хозяйства. Большое число детей способствовало благосостоянию семьи (рода, племени), росту авторитета родителей в общине. <...> После промышленной революции XVIII в., по мере развития индустриальной цивилизации, все вышеназванные роли постепенно переходят от семьи к другим социальным институтам. <...> Дети постепенно теряют свою экономическую полезность и начинают удовлетворять в основном лишь эмоциональные потребности родителей, для чего в большинстве случаев, очевидно, достаточно именно 1-2 детей». Действительно, экономическая потребность в детях существовала, но являлась ли она определяющей? Ведь рождение детей может быть вызвано и другими причинами. Скорее всего, здесь имеет место экстраполяция современного мировоззрения, ценностей и мотиваций в прошлое. То есть процитированное выше предположение справедливо в отношении современного человека — носителя модернизационных ценностей, спроецированных в прошлое.

Вообще необходимо пересмотреть отношение к потреб-

ности в детях как локомотиву, главному фактору, определявшему репродуктивное поведение.

С точки зрения сторонников теории демографического перехода, в демографической эволюции нравственные ценности всегда действуют опосредованно, их влияние второстепенно. Действительно, ценности, рассматриваемые как некие преходящие социокультурные репродуктивные нормы, занимают именно такое положение в системе мотиваций репродуктивного поведения. Однако нравственные ценности как неизменные абсолютные принципы, идеалы и понятия добра и зла имеют непосредственное и зачастую определяющее влияние на жизнь человека, в частности, на его репродуктивное поведение. Но их влияние практически полностью игнорируется в рамках теории демографического перехода.

Утилитарный взгляд оценивает аксиологические факторы воздействия на репродуктивное поведение как подчиненные социально-экономическим факторам. Приведем одно из типичных суждений Владимира Борисова: «Чтобы выжить, общества вырабатывали в течение тысячелетий социальные нормы, поощрявшие максимально высокую рождаемость. Эти нормы действовали прямо и косвенно в форме законов, религиозных предписаний, народных обычаев и традиций». Данное утверждение опровергается хотя бы таким фактом, что, например, по религиозным соображениям аборт полностью запрещены в Монако, Ирландии и на Мальте. А в 119 странах аборт разрешены только в случае угрозы жизни или здоровью матери (большинство стран Южной Америки, Африки, Ближнего Востока, Юго-Восточной Азии).

Владимир Маковский. Крестьянские дети. 1890 год

К сожалению, фамилизм, на практике противоборствующий «переходникам», в теории полностью поддерживает концепцию исторической подчиненности аксиологических факторов социально-экономическим. Это – разрыв теории и практики – является главной проблемой и причиной внутренней противоречивости фамилизма. Апологет фамилизма Анатолий Антонов фактически повторяет тезисы своих идеологических противников: «В ходе развития человеческого общества невозможность непосредственного воздействия на высокую смертность вызвала запрет на непосредственное вмешательство в репродуктивные события, предшествующие родам (хотя средства предупреждения

По убеждению многих современных демографов, главной причиной уменьшения рождаемости стало постепенное изменение, а затем и отмирание экономической составляющей потребности в детях, или экономической мотивации деторождения. Действительно, экономическая потребность в детях существовала, но являлась ли она определяющей?

и прерывания беременности были известны издревле). В процессе исторического развития и усложнения социальной организации запрет на контрацепцию оставался в силе из-за высокой смертности. В связи с запретом на сексуальные отношения в зависимости от сезонного цикла хозяйственных работ (производственные табу) из календарного года выпадала значительная часть времени, что делало излишним какое бы то ни было предупреждение

и прерывание беременности».

Из сказанного можно сделать вывод, что, например, большинство женщин в Российской империи не совершали аборт и не пользовались контрацептивами, потому что этого не требовалось. Якобы традиционное общество вырабатывает определенные традиции, исходя из социально-экономической или демографической целесообразности, а индивид действует в соответствии с традициями, не подо-

зрелая о подобного рода прагматике. Якобы общество выработывает такие табу, которые позволяют амортизировать высокую смертность.

Можно согласиться со сторонниками социально-экономического подхода в том, что, например, отмена запрета на аборт закрепляет, усугубляет изменение ценностных ориентаций в обществе. Но никак не инициирует их. Если в обществе назрела легализация абортов, совершается множество нелегальных абортов, то законодательная отмена табу закрепит уже совершившийся нравственный переворот. Однако если разрешить делать аборты тем, которые считают детоубийство нравственно недопустимым, то это не приведет к росту числа абортов — даже в условиях сверхнизкой смертности и материального благополучия.

Таким образом, сторонники теории демографического перехода не отрицают ценности совсем, но ставят их в жесткую зависимость от социально-экономических факторов. Главной опорой многодетности объявлены не религия, не культура, не мировоззрение или нравственные ценности, а высокая смертность и необходимость ее преодоления.

В то же время западные ученые, занимающиеся проблемами депопуляции, объясняя причины неумолимого спада рождаемости в постмодернистском обществе, напрямую указывают на значимость аксиологического фактора. Австралийский демограф Джон Колдуэлл утверждает: «Изменение систем ценностей влияет на сокращение рождаемости больше, чем экономические обстоятельства. Смена семейной экономики рыночно-индустриальным капитализмом, разумеется, важна, но семейная пирамида связей, семейная мораль способны противосто-

ять развалу личных установок на рождаемость лишь благодаря поддержке религии. Однако усиление европейского эгалитаризма — продукта Французской революции — открыло путь гендерному феминизму и гендерному конструированию социума». Американский исследователь института семьи Аллан Карлсон делает следующий вывод: «Действительная проблема, стоящая как за “вторым”, так и за “первым” демографическими “переходами” (первый переход — это снижение смертности с сохранением высокой пока рождаемости, что по-прежнему приводило к росту населения, второй — сокращение рождаемости вслед за сокращением смертности, что приводило к стабилизации численности населения, но в реальности — к депопуляции, так как рождаемость падает еще ниже. — *К.Ш.*), была религиозной: она сводилась к соперничеству веры, которая приветствовала детей, и светского секуляризма, который их не хотел. Это объясняет, почему “кампания популяционного контроля” до сих пор продолжается, хотя давно добилась своей исходной цели — нулевого прироста. По-видимому, для тех, которые отстаивают новый социальный строй жизни, даже в мире со стабильным населением слишком много детей».

Демографы Джон Клеленд и Кристофер Уилсон утверждают: «Ослабление религии является самым главным фактором упадка рождаемости». Бельгийский демограф Рон Лестеге констатирует, что «в нынешних изменениях структур семьи и в упадке рождаемости нет ничего нового: это продолжение отхода западной идеационной системы от христианских ценностей альтруизма и ответственности в сторону воинственного “светского индивидуализма”. По-

добная секуляризация, уменьшение приверженности к религии и есть причина падения рождаемости». Согласно Вардану Багдасаряну, «современная репродуктивная пассивность западных обществ рассматривается <...> не только и не столько как результат производственно-экономической трансформации, а как следствие широко понимаемого процесса секуляризации». Очевидно, что данные высказывания также актуальны в отношении России, поскольку цивилизационная модернизация общества в нашей стране происходила по европейскому сценарию с некоторыми «рывками» и «перегибами» эпохи социализма.

Таким образом, социально-экономический подход в определении причин изменения репродуктивного поведения и снижения уровня рождаемости в ходе демографической эволюции грешит методологической неточностью. В процессе демографической эволюции мы наблюдаем несколько тесно коррелирующих между собой с определенным временным лагом количественных и качественных показателей.

Во-первых, это научно-технический прогресс: развитие науки и техники, в том числе медицины, экономики и как следствие — улучшение материальных условий жизни и снижение смертности, повышение уровня образованности общества, индустриализация и урбанизация.

Во-вторых, модернизация ценностей: секуляризация, распространение индивидуализма и эгоцентризма, отказ от традиционных нравственных ценностей, соответствующее изменение традиций, образа жизни, культуры и т.д.

В-третьих, изменение репродуктивного поведения в сторону снижения уровня рождаемости.

Рис. 1. Взаимосвязь научно-технического прогресса, модернизации ценностей и модификации репродуктивного поведения в теории демографического перехода

То есть наряду с научно-техническим прогрессом и модернизацией ценностей с некоторым временным лагом трансформируется репродуктивное поведение и падает рождаемость. Чем это обусловлено в первую очередь? Научно-техническим прогрессом или изменением ценностей? Обычно делается вывод, что прогресс влечет за собой изменение и ценностей, и репродуктивного поведения. Данное утверждение воспринимается как аксиома. В воздействии на репродуктивное поведение модернизации ценностей отводится (если отводится вообще) второстепенная и вспомогательная роль. Модернизация ценностей выступает здесь не причиной, а скорее следствием модификации репродуктивного поведения, напрямую обусловленной прогрессом: «Снятие запрета с применения контрацепции и абортов привело к дальнейшей переоценке ценностей», — пишет Анатолий Антонов (см. рис. 1). Относительно воздействия на репродуктивное поведение научно-технический прогресс проявляется главным образом в росте материального благосостояния, улучшении медицинского обслуживания, повышении уровня образованности общества. Считается, что с ростом благосостояния семьи, повышением ее социального статуса и образованности будет с необходимостью модифицироваться репродук-

тивное поведение. Особое значение придается снижению смертности.

Таким образом, научно-технический прогресс в социально-экономической схеме является ключевым фактором модификации репродуктивного поведения. Поскольку научно-технический прогресс кажется неизбежным, его нельзя отменить, то так или иначе приходится смириться с модифицированным репродуктивным поведением и все попытки воздействия на ценности заведомо бесперспективны. Позиция сторонников концепции модернизации представляется в данном случае даже более последовательной (хотя при этом в корне ошибочной). В то же время сторонники фабилизма в современной ситуации призывают к воздействию на ценности, интуитивно подразумевая иную — более существенную — роль ценностей в регулировании репродуктивного поведения. Отвергая ценностный фактор в прошлом, о современной ситуации они говорят очевидное: для повышения рождаемости надо воздействовать на культуру и ценности общества. Именно ввиду данного парадокса — противоречия представления о демографическом прошлом восприятию современной демографической ситуации — предлагаемые сегодня способы и механизмы регулирования репродуктивного пове-

дения имеют расплывчатые очертания.

Противоречия устраняются, если предположить, что научно-технический прогресс и модернизация ценностей происходят параллельно друг с другом и находятся в сложной взаимозависимости. На репродуктивное поведение воздействует прежде всего модернизация ценностей, а не прогресс (см. рис. 2).

Если говорить о воздействии на репродуктивное поведение непосредственно научно-технического прогресса как такового, то это воздействие всегда опосредовано модернизацией ценностей как основным и необходимым условием воздействия на рождаемость. То есть прогресс может способствовать модернизации ценностей, что в свою очередь модифицирует репродуктивное поведение. Однако без модернизации ценностей никакой прогресс не в состоянии существенно трансформировать репродуктивное поведение (см. табл. 1). В то же время модернизация ценностей вне зависимости от прогресса неизбежно вызывает изменение репродуктивного поведения.

В перечисленных в таблице 1 арабских странах с устоявшимися жесткими религиозными традициями, а также в консервативной и религиозной Ирландии научно-технический прогресс не вызвал революционную модернизацию цен-

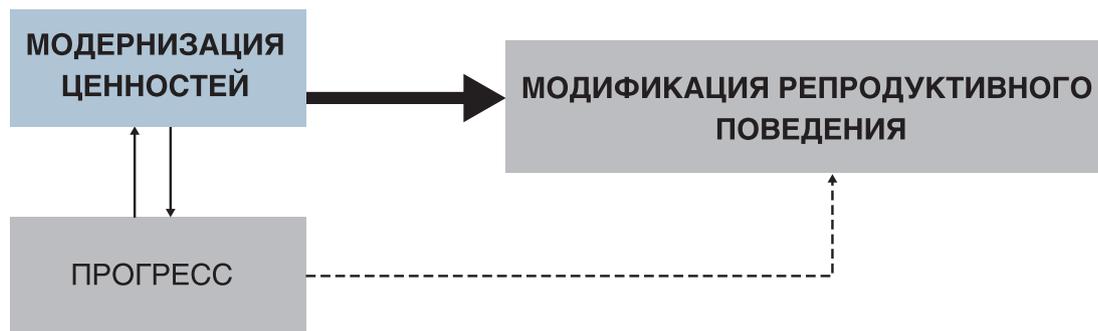

Рис. 2. Реальная взаимосвязь научно-технического прогресса, модернизации ценностей и модификации репродуктивного поведения

ностей. Данные таблицы наглядно подтверждают то, что ни образование, ни материальное благополучие, ни низкая смертность, являясь результатами прогресса, сами по себе без модернизации ценностей не могут изменить репродуктивное поведение в сторону снижения рождаемости. К аналогичному выводу приходит и Вардан Багдасарян: «Лидерами в динамике воспроизводства населения в настоящее время являются Афганистан и Саудовская Аравия, хотя первое из государств характеризуется крайне низким уровнем жизни, а второе – столь же высоким. Очевидно, что в обоих случаях исламская традиция сакрализации деторождения оказалась более значимым условием, нежели материальные параметры развития стран».

На основании приведенных данных можно утверждать, что при сохранении религиозности населения (не столько поверхностной, сколько определяющей поведение личности) и отсутствии модернизации ценностей прогресс никак не сказывается на репродуктивном поведении. Именно это и наблюдалось в Российской империи: экономический прогресс шел рекордными темпами, однако репродуктивное поведение не менялось при сохранении глубокой религиозности населения. Вместе с тем не стоит забывать о сложной взаимосвязи на-

учно-технического прогресса и ценностных ориентаций общества. В предреволюционный период в России прогресс явно стимулировал ценностную модернизацию, которая в свою очередь стимулировала революцию политическую. Но без революции в сфере ценностей научно-технический прогресс сам по себе ни коим образом не отражался на репродуктивном поведении. По той же причине массовая урбанизация периода индустриализации 30-х годов не привела к сокращению рождаемости, поскольку в возрасте фертильности находились преимущественно люди, получившие дореволюционное религиозное воспитание, ментально связанные с традицией православных семейных ценностей. В дореволюционной России семья рожала в среднем 5–7 детей не потому, что существовала потребность в таком их количестве, и даже не потому, что многодетность была некой ценностью, а потому, что рождение детей было естественным следствием супружеской жизни. Следствием репродуктивного поведения, определявшегося аксиологическими рамками или нравственным императивом. Эти рамки и этот императив нельзя записать в прокрустово ложе социально-экономической целесообразности, он определяется не рационализмом, не эгоистической потребностью, а принципами, идеалами, по-

нятиями добра и зла, то есть нравственными ценностями. В дореволюционной России любая деятельность, в том числе деторождение, воспринималась большинством не как самореализация или удовлетворение потребностей, а как служение Богу и людям. То, что сейчас стало исключением, было нормальным, естественным и не рассматривалось как подвиг. Конечно, существовали и иные ценностные ориентации (господствующие сегодня), но они имели тогда девиантный и маргинальный характер. В семейном поведении господствовали традиционные семейные ценности: целомудрие, воздержание до брака, супружеская верность, безусловная ценность человеческой жизни с момента зачатия, недопустимость вмешательства в репродуктивный цикл, почтение родителей и старших, дифференцированность гендерных функций, культура супружеских отношений и др. Сюда можно также отнести трудолюбие, скромность, ответственность, бескорыстие, жертвенность и любовь как основание всякой добродетели. Именно эти ценности – а не «потребность в детях» или обстоятельства – оказывали доминирующее влияние на репродуктивное поведение. В рамках традиционной русской культуры после заключения брака муж и жена вступали в супружеские отношения,

Таблица 1. Данные по странам с высоким уровнем научно-технического прогресса, но традиционными ценностями в сравнении с Россией и Европейским союзом

Страна	Внутренняя норма доходности на душу населения (по паритету покупательной способности, USD, 2006 г.)	Расходы на образование (процент консолидированного бюджета, 2005 г.)	Смертность (процент, 2005 г.)	Рождаемость (процент, 2005 г.)
Кувейт	48310	12,7	2	19
ОАЭ	31190	27,4	1	16
Саудовская Аравия	22300	27,6	4	27
Ирландия	34730	13,1	7	15
Россия	12740	12,3	16	10
страны Европейского союза из еврозоны	31181	11,1	9	10

Источник: официальный сайт Всемирного банка

которые при наличии репродуктивного здоровья приводили к зачатию ребенка, поскольку противозачаточные средства и методы были нравственно недопустимыми. В репродуктивном процессе материалистическая наука игнорирует Бога, Творца новой жизни, но именно Бог воспринимался здесь как основное Действующее Лицо, что необходимо учитывать современному исследователю вне зависимости от его собственных – религиозных или атеистических – убеждений. Потому-то и была недопустима контрацепция, рассматривавшаяся как вмешательство в замысел Творца. Единственным способом избежать зачатия было воздержание от супружеских отношений. Оно было вполне естественным и в браке: воздержание полагалось в постные дни (в четыре многодневные поста, каждую среду и пятницу), по воскресеньям, великим праздникам, а также во время беременности, в период лактации и в дни очищения. Если происходило зачатие, то – если не случалось выкидыша или

смерти матери – происходило рождение. Естественно, аборт был нравственно неприемлемым. Данный репродуктивный цикл и приводил в среднем к рождению 5–7 детей каждой женщиной.

Таким образом, в системе традиционных семейных ценностей многодетность является не самоцелью, а естественным следствием семейной жизни. Многодетность поощряется, в то же время не осуждается среднедетность и малодетность, если «Богом не дано». Даже бездетность не выглядит неприемлемой, хотя от бездетной или малодетной семейной пары ожидается подвижничество либо в усыновлении детей, либо в другом служении Богу и людям (например, благотворительности), но никак не жизнь для себя. Тем не менее естественный семейный образ жизни – даже при соблюдении всех правил воздержания в браке – предполагает многодетность. Напрасно современные ученые-фамилисты, вплотную подошедшие к аксиологической основе демографической катастрофы, отрешиваются

от рождаемости по принципу – «сколько Бог даст». Не высокая смертность и не фатализм были основой такого образа, а нравственный императив, ценности – абсолютные принципы, идеалы, понятия добра и зла.

Современные люди действительно рожают, исходя из потребности в детях. В большинстве случаев – в диапазоне от нуля до двух детей. В случае эффективного включения идеологических инструментов демографической политики – до трех, в редких случаях расширенной психологической потребности в родителстве – больше трех. Но чаще больше двух – это самоотречение. Далеко не каждая многодетная семья сегодня скажет, что в четвертом, пятом или шестом ребенке у них была потребность. Скорее скажут: раз дал Бог ребенка (наступила беременность), то и возникла потребность его родить.

Формирование показателя суммарного коэффициента рождаемости (СКР) (среднее число рождений детей у одной женщины в течение всей ее жизни) на уровне 5–7 детей на

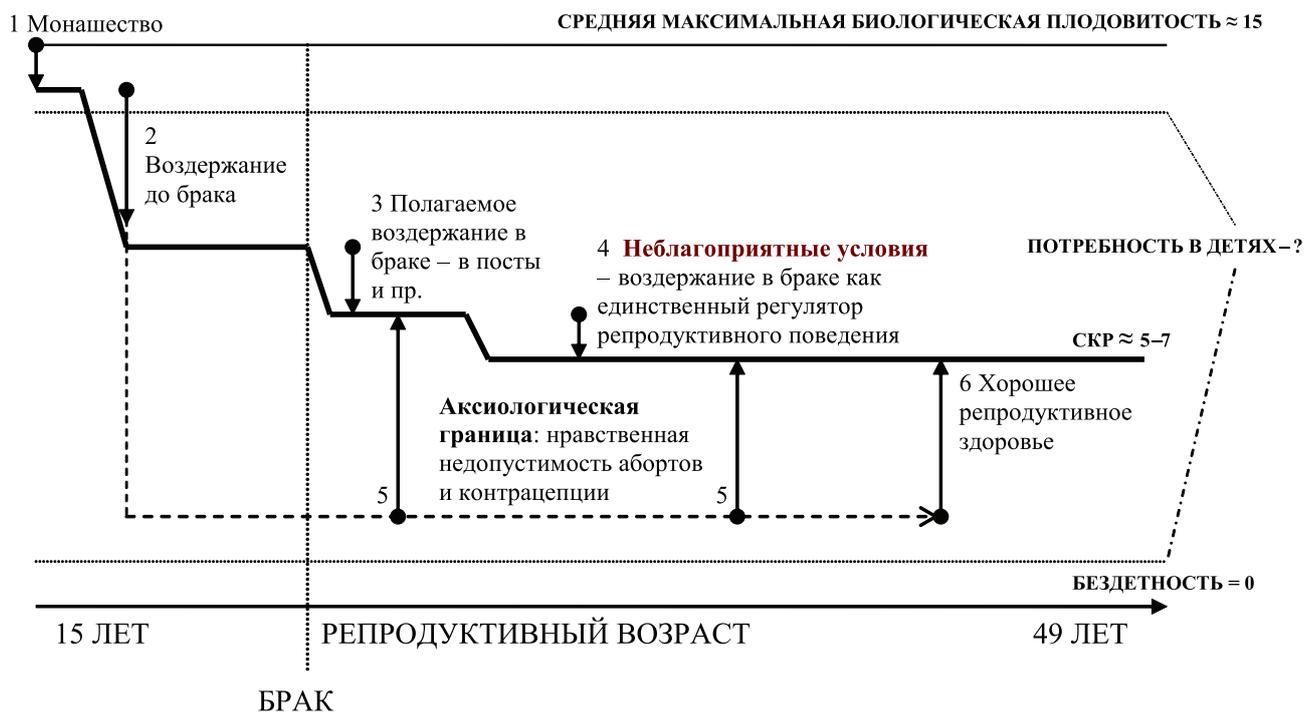

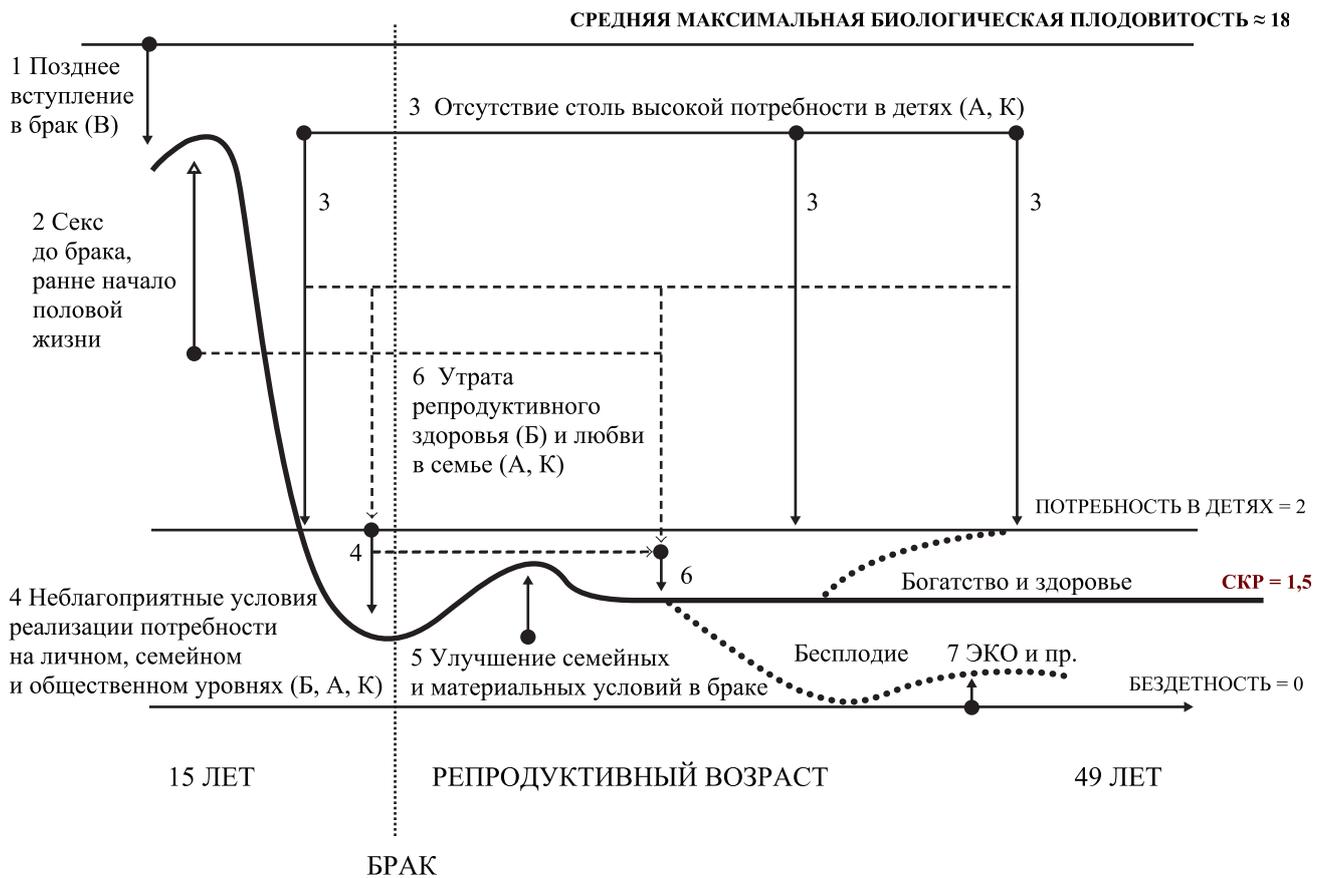
Рис. 3. Формирование показателя СКР в ходе репродуктивного процесса в обществе с традиционными ценностями

одну женщину в ходе репродуктивного процесса в системе детерминант репродуктивного поведения в дореволюционной России (обществе с традиционными ценностями) схематично представлено на рисунке 3.

Основной причиной снижения показателя СКР ниже уровня максимальной биологической плодовитости являлось воздержание, основанное на аксиологической мотивации (1, 2, 3). Кроме того, воздержание являлось единственным нравственно допустимым инструментом «планирования семьи» при неблагоприятных для деторождения условиях (4). Аборты и контрацепция находились за пределами нравственно допустимого (5). Потребность в детях существовала, но не оказывала доминирующего влияния на репродуктивный процесс. Хорошее репродуктивное здоровье, основанное на естественной супружеской жизни без абортов и контрацепции, также поддерживало высокий уровень рождаемости (6).

Аналогичная схема — формирование показателя СКР на уровне 1,3–1,7 детей на одну женщину в ходе репродуктивного процесса в системе детерминант репродуктивного поведения в современной России (обществе с модернизационными ценностями) — изображена на рисунке 4. Позднее вступление в брак способствует снижению рождаемости (1). В то же время раннее начало половой жизни вне брака вызывает появление незапланированных беременностей (2). Использование контрацепции снижает число таких беременностей, большинство которых заканчивается аборт ввиду отсутствия потребности в детях у молодых людей, предпочитающих жить для себя (3). Все это (2, 3) крайне неблагоприятно сказывается на репродуктивном здоровье, в дальнейшем понижая уровень СКР даже ниже уровня потребности в детях (4, 6). Вступление в брак создает более благоприятные условия (семейные и материальные) для удовлетворения

задающей репродуктивное поведение потребности в детях (5). В случае сохранения репродуктивного здоровья количество детей в семье может достигнуть уровня потребности в детях. Использование экстракорпорального оплодотворения (ЭКО) и прочих методов искусственного повышения фертильности способно немного повысить уровень рождаемости (7). В любом случае показатель СКР не может подняться выше уровня потребности в детях, а фактически оказывается существенно ниже из-за утраты репродуктивного здоровья (вследствие абортов и контрацепции), неблагоприятных материальных или семейных условий (отношений в семье, что также является следствием совершения абортов и добрых сексуальных отношений). Некорректно экстраполировать поведение и мотивацию современного человека с модернизированными — точнее, искаженными — ценностями ни в прошлое, ни в будущее. В сложившейся катастрофиче-

Примечание: А – аборт, К – контрацепция, Б – болезни репродуктивной системы, В – воздержание

Рис. 4. Формирование показателя СКР в ходе репродуктивного процесса в обществе с модернизационными ценностями

ской демографической ситуации недопустимо капитулировать перед порождающей депопуляцию парадигмой ценностей, встраиваясь в нее. Необходимо на всех уровнях формировать, воспитывать нравственные ориентиры, возрождать утраченные ценности, основанные на бескорыстной и жертвенной любви. Развращение детей и молодежи является наиболее эффективным аксиологическим способом отрицательного воздействия на уровень рождаемости. Это должно быть хорошо известно апологетам депопуляции, ратующим за поголовное «сексуальное просвещение» (в действительности – растление) детей вкупе с массовой пропагандой контрацептивов в духе гитлеровско-

го демографического «Генерального плана Ост» под маской «повышения образованности общества». Тем апологетам, которые объявили традиционный демографический уклад «краеугольным камнем тех отживших экономических и социальных форм, без разрушения которых невозможно полное преодоление вековой и тысячелетней отсталости» (Анатолий Вишневский). Механизм отрицательного аксиологического воздействия достаточно прост: рождение и воспитание детей объективно препятствует удовлетворению потребности в «безопасном сексе» без отягощающих последствий. Медицинские и психологические последствия «свободной любви» также не способствуют репродуктив-

ному здоровью. Сексуальная распущенность вообще является неотъемлемой частью эгоцентризма – жизни для себя, – что не способствует чадородию, которое всегда сопряжено с жертвенностью. Вряд ли можно рассчитывать на то, что воспитанные в духе потребительства, распущенности и вседозволенности дети будут потом рожать, жертвовать собой ради ребенка, даже если им создать для этого все условия, пугать вымиранием нации и раскручивать пропаганду семейности. Возрождение традиционных нравственных семейных ценностей не является утопией. Эти ценности сегодня во многом усвоены значительным числом верующих людей, пусть и составляющих мень-

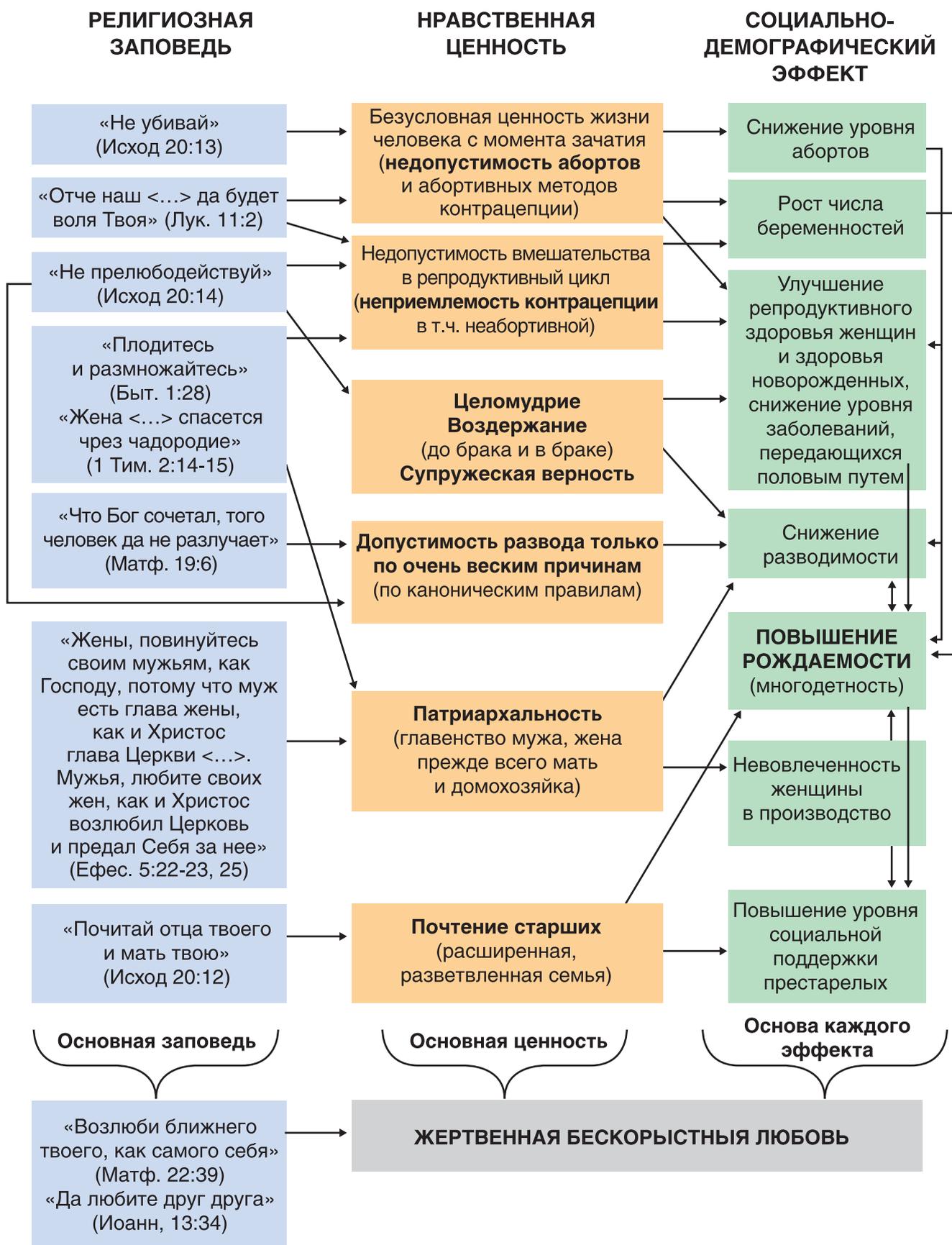

Рис. 5. Механизм формирования нравственных ценностей на основе религиозных заповедей и соответствующий им социально-демографический эффект

шинство нации. Речь идет о так называемых воцерковленных верующих, поведение которых действительно определяется верой, религиозно-нравственным императивом. Иначе говоря, о тех, которые веруют не только на словах. Их репродуктивное поведение практически не отличается от описанного выше репродуктивного поведения наших предков.

В рамках постановки задачи нравственного возрождения в качестве примера рассмотрим природу формирования нравственных ценностей воцерковленных православных христиан. В прошлом данное сообщество было доминирующим в империи, а в современной России оно имеет наиболее отчетливые очертания и является относительно многочисленным (по сравнению с другими ярко выраженными аксиологически мотивированными социальными группами).

Определяющее влияние религии на формирование системы нравственных ценностей продолжалось на протяжении веков и закрепилось в народных традициях, искусстве и культуре в целом. Очевидна прямая связь традиционных семейных ценностей и религиозных заповедей, непосредственно задающих не только поведение, но и желания, устремления и потребности человека. При этом необходимо отметить, что заповеди как нравственные императивы не усваиваются человеком подобно нормам в процессе социализации индивида, а впитываются с молоком матери, свободно воспринимаются нравственной личностью в процессе воспитания, выработки мировоззрения. На рисунке 5 представлен механизм формирования нравственных ценностей на основе религиозных заповедей и соответствующий

им социально-демографический эффект. Заповеди приведены в виде цитат из Библии.

Заповедь «не убивай» не допускает совершения искусственного аборта ни при каких обстоятельствах, поскольку согласно учению Церкви Господь творит бессмертную человеческую душу из небытия в момент зачатия. Следовательно, аборт на любом сроке беременности является душегубством. Взгляд Церкви на аборт согласуется с научными данными: современная биология однозначно утверждает, что жизнь человека начинается в момент зачатия.

Также недопустимы в рамках данной концепции abortивные методы контрацепции, такие как внутриматочные спирали и любые гормональные методы, включая современный препарат «Мирена». Действие abortивных методов контрацепции основывается на предотвращении имплантации морулы (оплодотворенной яйцеклетки) в матку, что происходит через 5–7 дней после зачатия, а не на

приводит к росту числа беременностей и рождений.

Всем известная заповедь «не прелюбодействуй» запрещает не только супружеские измены, но и любые формы сексуальных отношений до брака, то есть утверждает не только супружескую верность, но и целомудрие и воздержание до брака. Кроме того, данная заповедь не допускает немотивированный развод: «Кто разведется с женою своею не за прелюбодеяние и женится на другой, тот прелюбодействует; и женившийся на разведенной прелюбодействует» (Матф. 19:9).

Священное Писание устанавливает функциональное главенство мужа в семье — главенство, основанное на ответственности и любви, — и приоритетность функций матери и домохозяйки для женщины. Данное устройство семейных отношений именуется патриархальностью и является неким принципом, идеалом, или нравственной ценностью. Следствием принятия обществом подобной ценности является меньшая степень вовлеченности жен-

Многодетность в рамках традиционной культуры предопределяется не потребностью в детях на основе экономической или социальной целесообразности, а является прежде всего результатом сформировавшейся системы нравственных ценностей.

предотвращения самого зачатия, в момент которого рождаются и душа, и тело. Поэтому использование данных методов с точки зрения верующего человека также считается убийством.

Следующая заповедь («да будет воля Твоя») утверждает необходимость следования Божьей воле во всех жизненных обстоятельствах. Недопустимость вмешательства в репродуктивный цикл подразумевает неприемлемость любых форм контрацепции, а также, естественно, исключает детоубийство. Это также

приводит к росту числа беременностей и рождений.

Вся система традиционных семейных ценностей закрепляется заповедью любви. Любви жертвенной и бескорыстной. Эти характеристики христианской любви необходимо подчеркнуть, поскольку сегодня понятие любви весьма размыто и искажено. Любовь является основой нравственности, поскольку заповедь любви согласно Священному Писанию является основанием всех прочих заповедей. Любовь трансцендентна

Рембрандт. Моисей с десятью заповедями. 1659 год

Очевидна прямая связь традиционных семейных ценностей и религиозных заповедей, непосредственно задающих не только поведение, но и желания, устремления и потребности человека. При этом необходимо отметить, что заповеди как нравственные императивы не усваиваются человеком подобно нормам в процессе социализации индивида, а впитываются с молоком матери, свободно воспринимаются нравственной личностью в процессе воспитания, выработки мировоззрения.

по отношению к нравственности и аксиологии, поскольку она есть основание нравственности, она порождает нравственность и является атрибутом Бога: «Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь» (1 Иоанн 4:8). Согласно нравственному богословию (христианской ак-

сиологии) нравственные ценности абсолютны потому, что они исходят от Бога — любящего Отца.

Итак, многодетность в рамках традиционной культуры определяется не потребностью в детях на основе экономической или социальной целесообразности, а является преж-

де всего результатом сформировавшейся системы нравственных ценностей, способствующих хорошему репродуктивному здоровью, не допускающих детоубийство и иные способы искусственного вмешательства в репродуктивный цикл, а также немотивированный развод.

В традиционной православной культуре многодетность не воспринимается как самодовлеющая абсолютная ценность, как, например, целомудрие, воздержание, супружеская верность, святость жизни с момента зачатия или скрепляющая все любовь. Многодетность можно скорее отнести к категории социально-демографических эффектов действующей традиционной системы ценностей. Естественно, среднететность (3-4 ребенка в семье) или малодетность также не могут являться ценностью как таковой. Количество детей само по себе не может быть ценностью. Справедливо утверждение, что в традиционной православной семье рождают сколько Бог пошлет. Тем более неприемлемы для традиционной культуры привнесенные из сферы экономики утверждения о полезности ребенка. Уже зачатый ребенок становится объектом любви и безусловной ценностью для родителей, но не абстрактный ребенок вообще, тем более какое-либо количество детей.

Выявив аксиологические причины демографического кризиса и поставив аксиологические цели, ученые-фамилисты тем не менее не предлагают аксиологических методов воздействия на ситуацию, выдвигая прежде всего предложения идеологического характера, направленные на пропаганду семьецентризма. Предлагаемые идеологические, психологические и социально-экономические методы не затрагивают аксиологические

корни репродуктивного кризиса. Необходимо менять ценностную парадигму, уходить от индивидуализма, эгоцентризма, желания «взять от жизни все», а не пытаться идеологически встраивать демографически приоритетные на данном этапе ценности в господствующую сегодня парадигму ценностей, которая является главной причиной депопуляции. Иначе говоря, необходимо актуализировать использование аксиологического фактора в регулировании репродуктивного поведения. Утверждение традиционных пронаталистских семейных ценностей в обществе обеспечит существенное, уверенное и долгосрочное повышение рождаемости непосредственно, вне зависимости от «потребности в детях».

Выявив непосредственное и определяющее влияние аксиологического фактора на репродуктивное поведение, сформулируем конкретные направления актуализации этого фактора в регулировании репродуктивного поведения россиян в целях повышения рождаемости.

Первое направление: содействие религиозному возрождению в российском обществе.

Второе направление: непосредственное утверждение, привитие в обществе традиционных нравственных семейных ценностей. Данные ценности можно конкретизировать. Это целомудрие, воздержание до брака, супружеская верность, безусловная ценность человеческой жизни с момента зачатия, недопустимость вмешательства в репродуктивный цикл, почтение родителей и старших, патриархальность, дифференцированность гендерных функций и др. В расширенном смысле сюда можно также отнести трудолюбие, скромность, ответственность, бескорыстие, жертвенность, любовь.

Именно эти нравственные ценности необходимо возродить и утверждать с помощью СМИ, социальной рекламы, кинематографа, литературы, искусства, пиара, путем подключения в качестве катализатора идеологического фактора. Необходимо создавать положительные образы не семьи именно с 3-4 детьми, а жертвенной и бескорыстной любви, в частности к детям, как, например, это было сделано в прекрасном советском художественном фильме «Однажды двадцать лет спустя». К этой работе целесообразно привлекать представителей Церкви. Совместные церковно-государственные проекты, направленные на возрождение традиционной нравственности, могут действовать наиболее эффективно.

Одновременно необходимо теми же средствами создавать атмосферу общественной нетерпимости к распущенности, разврату, индивидуализму, социальному иждивенчеству, выраженному, в частности, в бездетности и малодетности. Следует подчеркнуть, что речь

Но все же наиболее эффективно работу по возрождению традиционных семейных ценностей можно проводить (помимо семьи, где государство не должно «управлять») в школах, вузах и ссузах. Например, в рамках «Основ религиозных культур и светской этики» или предмета «Этика и психология семейной жизни» (если его возродить и преподавать в духе традиционных семейных ценностей).

Третье направление: недопустимость западной бихевиористской модели полового просвещения, растормаживающей сферу чувственных влечений и нивелирующей чувство интимного стыда, что, в конечном счете, формирует жесткие антисемейные и антидетские установки.

Четвертое направление: введение нравственной цензуры в СМИ, в рекламе, театре и кинематографе.

Пятое направление: вывод аборта за аксиологические рамки нравственно допустимого в репродуктивном поведении. В этом вопросе вместо идеологической пропаганды,

Необходимо актуализировать использование аксиологического фактора в регулировании репродуктивного поведения. Утверждение традиционных семейных ценностей в обществе обеспечит существенное, уверенное и долгосрочное повышение рождаемости непосредственно, вне зависимости от «потребности в детях».

идет не о малодетности или бездетности как таковой, а о малодетности и бездетности на основе эгоцентризма, поскольку осуждать бездетность, возникшую, например, в результате болезни, совершенно непозволительно. Нравственное отвращение к эгоцентризму свойственно человеку, и его отсутствие у многих — особенно молодых — людей связано не с «природой человека», а с массовой пропагандой эгоцентризма в СМИ в последние 20 лет.

призывающей к демографической ответственности и имеющей зачастую обратный эффект, надо взывать к совести человека как нравственной личности. Нравственная недопустимость аборта должна быть подкреплена конституционной, законодательной защитой права на жизнь человека в лоне матери с момента зачатия, то есть с момента возникновения человеческой жизни согласно представлениям и современной науки, и религии.